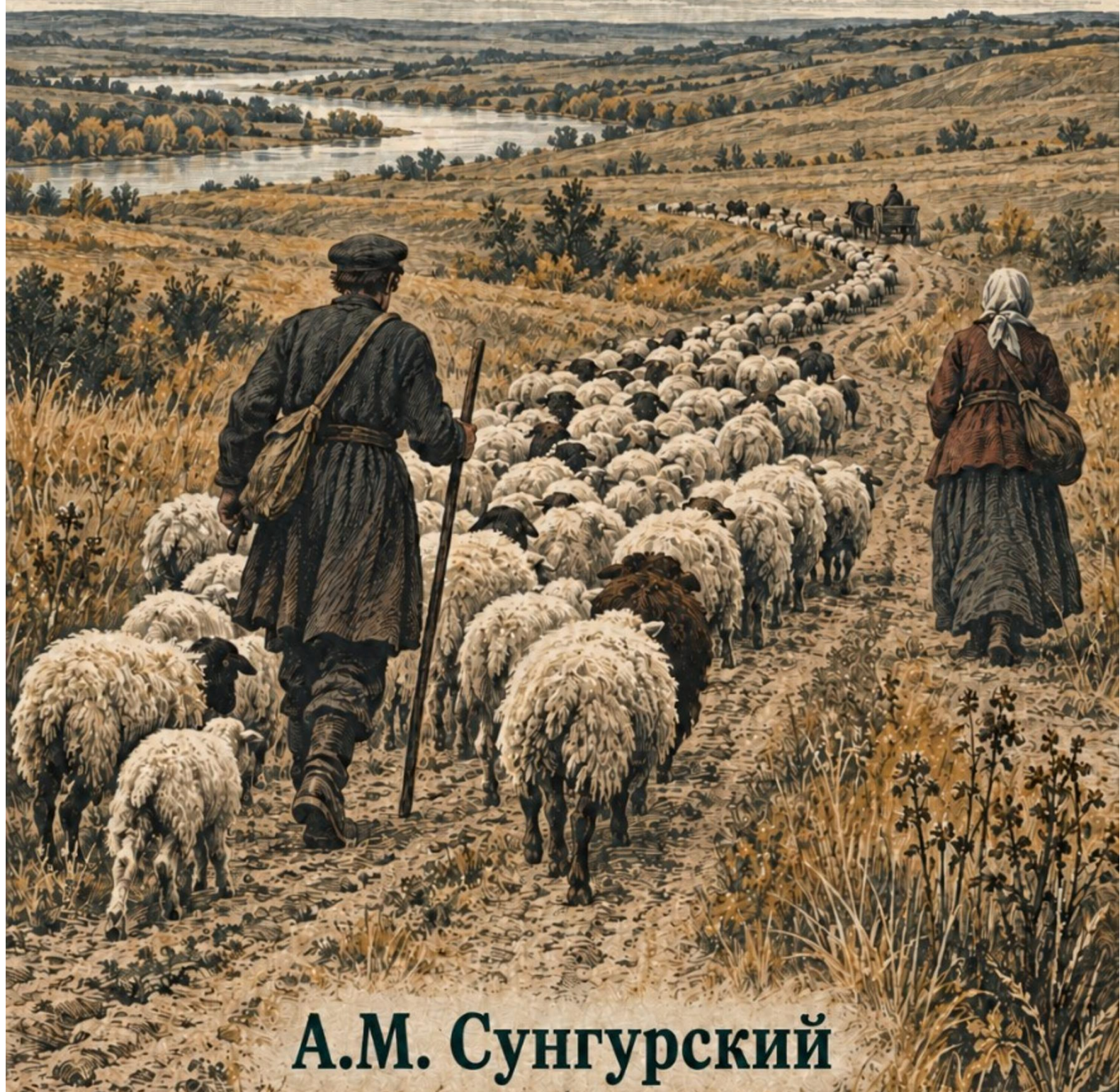

У КАЖДОГО СВОЯ ЗИМА

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

У каждого своя зима

«Автор»

2026

Сунгурский А.

У каждого своя зима / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Осень 1897 года. Лука Рябинин ведёт отару к зимним кошарам на Куме. На лошади — тяжёлое отцовское точило, рядом — старшая сестра, без которой он плохо представляет зиму. Но Дуня пометила своих овец красной краской. В Прасковее её ждёт подруга с пекарней: туда нужны деньги, руки и сама Дуня. Пока стадо идёт медленно, люди успевают заговорить о том, о чём дома молчали. Старый проводник хочет к сыну, работник ищет жильё для жены, а покупатель предлагает хорошую цену за всех овец сразу. Лука может закончить дорогу раньше срока. Или довести своё хозяйство до зимних ворот — с теми, кто ещё согласится идти рядом. Тихий исторический роман о брате и сестре, тяжёлой работе и любви, которой приходится учиться жить порознь.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Две метки	5
Глава 2. Место для огня	11
Глава 3. Земля под ногами	17
Глава 4. Пока держится огонь	23
Глава 5. Чужая повозка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

А.М. Сунгурский

У каждого своя зима

Глава 1. Две метки

Дуня стояла в проходе между плетнями и не пускала овец.

Они упирались ей в юбку, тянулись мордами к свету за воротами; сзади напирали новые, и от всей этой тесной, тёплой массы шёл пар. Впереди толкалась старая овца с отвисшим левым ухом. Дуня отодвинула её коленом, нагнулась к следующей и провела пальцем по двум выемкам. Лука, державший створку, смотрел на дорогу: там уже ждала нагруженная повозка, а Ани-сья Грачёва поправляла что-то у кобыльей морды.

— Эту пропусти, — сказал он. — Мы вчера её считали.

— А ночью она с другой поменялась, может быть. Ты знаешь?

Он потянул створку на себя. Овца подняла голову и протиснулась боком; следом полезли две молодые. Дуня растопырила руки, заслоняя им выход.

— Теперь твои. Закрой.

— Да чего ты их через одну ловишь? Пройдём до нижнего загона, там широкий воротец.

— Там ты всех выпустишь, а я потом бегай за каждой. Подержи здесь, недолго осталось.

Лука закрыл. От утренней сырости поперечина разбухла и не попадала в вырез. Пришлось приподнять всю створку, подпереть её сапогом. Он успел испачкать глиной тот сапог, который на рассвете долго смазывал, и теперь злился ещё и на это, хотя понимал, что мог бы совсем не смазывать перед дорогой.

Над дальним краем отары появилась шапка Саввы Кирилловича. Старик пробирался неторопливо, разводя животных голеньями. Бурый шёл за ним: лохматый пёс умел не тратить силы внутри загона и только поворачивал голову, когда какая-нибудь овца слишком близко задевала его бок. У нижнего плетня Федот пытался перебраться поверх жерди с мешком через плечо.

— Зацепишь, — сказал Савва.

Федот поднял мешок выше, перевалился и действительно зацепил штанину. Повис на мгновение, выругался вполголоса, прыгнул, глядя сначала на собственное колено, потом на Дуню.

— Я ещё ничего не сказала, — отозвалась она.

— Зато подумали.

— Откуда мне знать, чего ты там оторвал.

Федот принёс мешок к воротам. Внутри были обрезки верёвки, жестянка с краской и свёрнутый кусок старой дерюги. Он поставил всё перед Дуней и протянул ей палочку, один конец которой обмотал тряпицей.

— Удобно будет. Вчера попробовал на доске.

Она взяла палочку. Свою, слишком короткую, сунула за пояс.

— Вот за это спасибо.

Савва посмотрел на небо и поправил ремень, державший его сумку.

— Открывай, Лука. До белого камня она их не отпустит, а тут хоть поработаем.

Белым камнем называли обломок у старого корыта. Место это за три лета сделалось для них концом двора: за ним начиналась арендованная земля, а затем дорога к Александровскому. Вчера Дуня сказала, что до камня всех пересчитает ещё раз. Лука думал, что утром она забудет. По утрам всегда находилось что-нибудь, из-за чего люди отказывались от вечерней акку-

ратности: то лошадь не давалась, то пропадал нож, то надо было вернуть нанятому человеку оставленную в сарае вещь. Дуня не забыла.

Овцы пошли по одной. За воротами их принимал Аким Болдырев и отводил в широкий пустой загон, чтобы первые не вернулись на крик остальных. Лука считал своё, Дуня — своё. Пропуская свою овцу, она коротко касалась палочкой её затылка, и красный след оставался над серой шерстью. Старые выемки на ушах никуда не исчезали; краска нужна была теперь для глаз, для того расстояния, с которого Лука привык видеть одну отару.

Ему не нравились эти пятна. Он знал, что глупо на них сердиться. Дуня покупала своих овец отдельно, ещё тогда, когда отец был жив и мог спорить о чужой покупке с утра до обеда. Покупала на деньги, оставшиеся у неё после мужа, принимала сама, стояла возле ворот с той же прямой шеей. Лука лишь отвёл купленных к остальному стаду. С тех пор прошло два года; шерсть продавали вместе, работников нанимали вместе, ягнят вытаскивали одними руками, если помощь требовалась ночью. Лука помнил отдельных животных лучше, чем многие помнили своих дворовых птиц, и всё-таки всякий раз удивлялся, когда сестра говорила «мои».

Теперь это слово выступало поверх шерсти красными мазками.

На середине счёта одна овца вернулась. Аким не успел закрыть ей дорогу, потому что снимал с загородки ползший по земле конец верёвки. Она прошмыгнула ему за спину, ткнулась мордой между сестриных коленей, и Дуня, удерживая палочку, схватила её за бок.

— Эта уже была! — крикнул Лука.

— Вижу.

— Ты её второй раз не прибавь.

Дуня повернула к нему лицо. Краска попала ей на запястье, и она смотрела на брата так, будто он нарочно заставил её испачкаться.

— Лука, верёвку подними.

Лука поднял верёвку. Овца вырвалась и побежала к уже выпущенным. За ней, прижав хвост к задним ногам, протиснулся прошлогодний валух. Дуня пропустила его, назвала число, затем сама спросила у Акима, сколько вернулось. Один. Счёт продолжился.

Когда загон опустел, в углу обнаружился деревянный ковш, который искали со вчерашнего вечера. Бурый обнюхал его и отошёл. Федот поднял ковш с видом человека, способного извлечь вещь из любого затруднения.

— Вот, а на меня говорили.

— На тебя говорили: принеси, — заметил Савва. — Ты и принёс. Теперь чистый принеси.

Дуня сняла с пояса узкую книжицу, расправила загнутый уголок и прижала её к плетню. Карандаш у неё был привязан короткой ниткой; нитка не позволяла удобно писать, зато карандаш дважды за эту осень не потерялся в траве. Она занесла своё число и повернула книжицу к брату.

— Двести шестнадцать.

— У меня четыреста восемь.

— Вместе сколько?

— Я сложить умею, Дуня.

Она ждала, держа книжицу открытой. Лука назвал шестьсот двадцать четыре. Сестра записала итог; потом провела черту и закрыла книжицу. Больше не спросила ничего, даже о той вернувшейся овце. От этого ему стало стыднее за собственный голос.

Он ушёл осматривать нижний плетень, хотя осмотрел его ещё вчера.

* * *

Казалось, пастбище опустело уже сейчас. Вещи погрузили, кострище разобрали, у сарая осталось несколько белых щепок от сломанного ящика. Если они снова задержатся, их живот-

ные будут ходить здесь до вечера, но Лука ощущал, как земля перестаёт быть его. У родника лежала чужая новая верёвка: хозяин участка прислал человека проверить ограду и приготовиться к другим работам. За лето Лука приучился оставлять там свою чашку. Утром её уже положили ему в повозку.

Он заглянул под сарайный навес. На гвозде висело отцовское точило, небольшое, с треснувшей деревянной ручкой. Ночью собирались взять и его, потом кто-то отложил: тяжёлое, внизу у кошар имеется другое. Лука снял точило и пошёл к повозке.

Анисья выпрямилась прежде, чем он подошёл. Она была коренастая, в серой кофте, туго стянутой поясом; из-под платка выбивались два тёмных мокрых завитка. На повозке всё уже лежало по местам. Котёл привязали у задка, бочонок — ближе к оси, свёрнутые пологи — поверх мешков. Его точилу не оставили ни одного свободного угла.

— Положу сюда.

— Куда?

— На дно, под полог.

— Там ложки, соль и моя обувь. Моя, Лука Васильич. Не запасная для отары.

Он подержал точило на весу.

— Оно отцово.

Анисья перестала поправлять верёвку. Посмотрела на ручку, которую он сжимал, затем отвернула край полога.

— Дай. Но больше ничего отцова не носи, пока не спросишь.

Она переложила небольшой узел к себе на сиденье, устроила точило на его месте и прижала деревянным брусом. Лука хотел помочь, но Анисья отстранила его локтем: ей проще было закончить самой, чем объяснять, за какой конец подхватить.

Он достал из кармана деньги.

— Давайте за первые дни сейчас.

— За пять, как говорили. И моего овса до Новоселицкого. После уже посмотрим, сколько понадобится.

У неё была собственная гнедая кобыла и эта повозка с высоким передком. За двадцать дней дороги условились о восемнадцати рублях за её работу с лошадьёю; провиант для людей и покупной овёс шли отдельно. Если задержатся сверх двадцати, рассчитываться должны были подённо, о чём Анисья напомнила вчера при всех. Сейчас она отсчитала полученное, завернула в угол платка и спрятала у пояса.

— Дуне скажи, я взяла. А то она потом ещё свои достанет.

— У нас один расход.

— У вас один расход, а две руки в карманы лезут. Скажи.

С Федотом было условлено двенадцать рублей за весь путь до зимних кошар, с Акимом — двадцать четыре. Савва назвал свою плату первым и не стал торговаться: тридцать рублей, дорога обратно до Прасковей и корм для Бурого. В эти числа Лука вчера старательно уложил предстоящие двадцать дней. Получилось меньше, чем он боялся, пока никто не называл цены; зато теперь каждое лишнее утро могло вынуть из кармана деньги. Дуня внесла свою часть общего запаса — чуть больше трети, по числу овец, — и держала у себя запись. Лука носил расходный кошелёк. Он согласился на это разделение охотно: считать сестра любила, а платить людям ему было приятно.

Аким подошёл к повозке за своей сумкой. В ней звякнуло железо.

— Что там? — спросил Лука.

— Моё.

— Я не отнимаю. Тяжело же.

Аким развязал тесёмку и показал небольшой молоток, клещи и несколько гвоздей, завернутых отдельно в тряпочку.

— А вы без клещей гвоздь выдерните. Потом я их дома оставлю.

Лука положил ему в ладонь оговорённый аванс. Аким не разглядывал монеты долго, лишь отделил две и попросил Анисью передать их человеку, который вернётся в Александровское. Называл адрес, пока она запоминала, затем повторил ещё раз: не соседу отдать, а в самом дворе спросить Марфу Болдыреву.

— Уж вернусь, отдаст мне сама, — сказал он.

Лука раньше не слышал, что у Акима жена Марфа. Они работали рядом второй сезон. Он знал, как тот берёт хромую овцу, не заламывая ей ноги, и с какой стороны любит спать от костра. А где дома ставит сапоги, кто подвигает ему миску — никогда не представлял.

От дороги донёсся стук колёс. Чужая лёгкая повозка остановилась возле белого камня; Савва придержал Бурого, чтобы не бежал под лошадь. Из повозки выбрался полный мужчина в добротном суконном пальто, в каком за отарой не пройдёшь и версты. Он снял шапку, поздоровался сразу со всеми и спросил, кто здесь Лука Рябинин.

Лука поднял руку.

— А я за вами в Александровское хотел, — сказал приезжий. — Сказали, с утра вы уже здесь. Павел Игнатьевич Сердюков. Мы с вашим покойным батюшкой знакомы были.

Сердюков подошёл к отаре, глянул на ноги ближайшего валуха, затем на спины за ним.

— Вниз ведёте?

— К Левокумскому.

— Далеко осенью. Я могу тут взять, если на цену сойдёмся.

Дуня, промывавшая палочку у бочонка, обернулась. Краска плохо отходила; вода в подставленном черепке сделалась розовой.

— Всех? — спросила она.

— Если всех продаёте — всех. Не продаёте всех — посмотрим кого.

— Не продаём, — сказал Лука.

Сестра вылила воду на землю и положила палочку поперёк черепка.

— Вы откуда узнали, что можно взять?

— В Александровском спрашивал. Покупаю, кто имеет. Вам, сударыня, что-нибудь предлагают отдельно?

— Здесь двести шестнадцать моих овец. О них со мной и говорите.

Сердюков посмотрел на красные затылки. Он не улыбнулся, не удивился женщине возле стада. Лука вдруг понял, как долго сам ожидал этой улыбки: приезжий сейчас скажет что-нибудь про бабью решительность, они вместе посмеются, и весь разговор вернётся туда, где хозяин один.

— Метки ваши? — спросил Сердюков.

— На левом ухе по две. Краска сегодняшняя.

— Выделим, поглядим. Сейчас можно?

— Мы идём, — сказал Лука.

Дуня отставила черепок и вытерла руки о дерюгу.

— Сегодня нельзя. Они дважды через ворота прошли, хватит. Вы где будете через две недели?

— В Прасковее спрашивайте. Меня там знают. Или сами меня по дороге увидите, я часто езжу.

Он назвал двор, где останавливался, и имя-отчество хозяина. Дуня повторила, чтобы запомнить, потом достала свою книжицу. Лука стоял рядом, держа незавязанный кошелёк, и чувствовал нелепость этого положения: будто намеревался платить Сердюкову за то, чтобы тот наконец уехал.

— У нас кошары приготовлены, — сказал он. — Корм лежит. Внизу хорошо перезимуют.

— Тем и цена хороша, что сейчас на ногах стоят, — отозвался покупатель. — Я вам порченого не желаю. Полагаю, вы мне тоже.

Он обратился к Дуне по имени-отчеству, которое она назвала, и спросил, одинакового ли возраста её овцы. Она ответила. После короткого разговора Сердюков снова надел шапку и простился. Лука даже не успел отпустить створку, за которую зачем-то держался всё это время.

Уже возле повозки покупатель позвал Савву.

— Вы опять с ними, Кириллыч?

— Пока ноги возят.

— Когда перестанут, ещё и меня прокормите советами.

— Совет мой дорогой. Овцы дешевле.

Сердюков засмеялся. Савва не поддержал смех, но приподнял два пальца к шапке, прощаясь. Повозка выехала на дорогу. Её лошадь пошла быстро, и через минуту за белым камнем снова стало пусто.

Лука завязал кошелёк.

— Ты ему зачем сказала?

— Он спросил.

— Прямо при людях.

Дуня посмотрела на Акима, который уже вернулся к отаре, потом на Федота у плетня.

— Они и так знают. Ты сам вчера им говорил, как расход считать.

— Я не об этом. Ты сначала до места доведи. Там и поговорим.

— Лука, мы с тобой весной поговорили. Летом ещё поговорили. Я до места веду. Там продаю.

Он сунул кошелёк во внутренний карман и застегнул пуговицу.

— Мало ли что за лето думают.

Дуня долго тёрла запястье, на котором сохранился красный след. Потом положила мокрую дерюгу на бочонок, чтобы та высохла в дороге.

— Ты мне осень оставь. Всё лето ты уже прожил за меня.

Он вспомнил, как отказался взять помощницу в последние недели, потому что Дуня была рядом; как попросил её придержать деньги за шерсть до покупки корма; как не ответил, когда она читала вслух письмо Александры из Прасковей. В каждом случае имелась причина. Сейчас перечислять причины было всё равно что выкладывать между ними мешки, через которые сестре пришлось бы перелезть.

Лука отошёл к воротам. Не попрощался с сараем, как собирался, и не оглянулся на гвоздь, где висело точило.

* * *

Выпускать отару пришлось медленнее, чем он хотел. У белого камня дорога сужалась, и первые овцы остановились возле корыта, ещё пахнувшего привычной водой. Аким отвёл их чуть в сторону, дал головным обойти камень; Федот бросился было назад за остальными, но Савва позвал его к себе и показал ладонью, где надо стоять.

Пятак носился вдоль плетня, слишком довольный всей этой суматохой. Лука свистнул, пёс сбавил ход, однако снова припустил, увидев, что хвост отары замер у ворот. Бурый обогнал его без лая и лёг там, куда молодому псу хотелось бежать. Пятак растерянно остановился. Овцы пошли.

Дуня подняла с земли забытый ремешок и бросила его Анисье на сиденье. Затем осталась у ворот, придерживая створку, пока проходили последние. Лука видел её над спинами животных: тёмный платок, красная от воды рука, подбородок, которым она отводила от лица выбившуюся прядь. В эту минуту ему захотелось, чтобы она села на повозку и перестала рабо-

тать хотя бы до вечера. Он почти окликнул её, но побоялся, что она услышит в предложении продолжение их ссоры.

Савва подошёл к нему.

— Куда первой стоянкой? — спросил Лука.

— За низиной. Там трава осталась.

— За всей низиной или до глинистой полосы?

— До полосы.

Старик поправил сумку и пошёл вперёд. Лука догнал его.

— Вы же сами вчера говорили, за низиной.

— Я вчера на сухой земле стоял. Ночью слышал, как капало?

Лука слышал. На крыше сарая было столько отдельных стуков, что сперва казалось, там возятся воробьи. К утру дождь закончился, он обрадовался этому и больше о нём не думал.

Савва вынул из сапога прилипшую травинку, сунув палец за голенище. Переступил пару раз, прислушиваясь к ноге, и только после этого продолжил путь.

Позади скрипнула повозка. Анисья ехала не следом за овцами, а немного в стороне, выбирая твёрдую колею. Дуня шла возле её переднего колеса и одной рукой держалась за край доски; с другой стороны тянулась узкая полоса ровной земли, по которой уже побежали первые тени облаков. Небо расходилось, открывая над Александровским бледное осеннее солнце.

Лука поднялся на невысокий бугор и дождался, пока вся отара вытянется за ним. Отсюда красные метки едва различались. Животные сдвигались, прятали друг друга, обтекали старые колеи. Считать их взглядом было невозможно, но теперь он помнил два числа так же крепко, как общее.

Дуня вернулась на несколько шагов к пустым воротам. Лука видел, как она повернула створку и завела разбухшую поперечину в вырез. Потом догнала Анисью. Больше никто не оставался сзади.

Глава 2. Место для огня

Первый час Дуня всё прислушивалась, не зовут ли сзади. Так бывало, когда уходили из дома: мать окликала то с полотенцем, то с куском хлеба, завернутым на дорогу, а в последние годы отец мог выйти на крыльцо и сказать, что забылась совсем другая вещь, ради которой возвращаться не хотелось. Теперь за спиной тянулась только пыль от последней овцы. Люди остались впереди и по сторонам; никто не побежит следом с тёплой краухой.

У повозки пахло кожей, овсом и недосохшим пологом. Дуня держалась за край передка, пока Анисья выбирала дорогу меж колеи. Сзади, привязанный длинным поводом, шёл рыжий конь Луки. Брат то забирал его, чтобы посмотреть землю впереди, то возвращал к повозке: в тесном движении возле отары ему удобнее было пешком. Лошадь нагибалась за уцелевшей травой, натягивала повод, и Дуня несколько раз освобождала его из-под угла мешка.

— Сядь, — сказала Анисья. — Пока не размокло, довезу.

— Насажусь ещё.

— Все говорят, что насидятся. А потом я одна с вещами разговариваю.

Дуня поставила ногу на ступицу, придержалась за протянутую руку и села боком. Анисья подвинула свой узел, тот самый, который уступил место точилу. Кобыла повернула ухо, услышав, как хрустнула доска.

Некоторое время ехали молча. Александровское оставалось в стороне, ниже складки земли; виднелись крыши, редкие деревья и длинная светлая полоса дороги. Над одной крышей поднимался дым. Дуне показалось, что там уже замесили хлеб и теперь ждут, когда печь возьмёт жар. Она сама хотела совсем другого жара: чтобы огонь больше не приходилось прятать от ветра ящиками и пологами, чтобы за водой можно было выйти во двор в тех же башмаках, в которых вернёшься к столу.

— Лука мне заплатил, — сказала Анисья. — За пять дней. Ты запиши.

Дуня вынула книжицу. Вчера они сошлись на девяноста копеек в день за дорогу, лошадь и повозку; за пять выходило четыре с полтиной. Она поставила число возле имени Анисьи и спросила, куплен ли овёс на первые дни.

— Куплен. К Лукиному рыжему тоже припасён, а то он всё думает, что тот с воздуха сыт.

— Он помнит.

— Хорошо, коли помнит. Я два раза помнить не могу.

Дуня закрыла книжицу. Анисья подняла кнутовище, показывая дорогу мальчику, который вёл по склону корову. Мальчик не понял, куда ему отойти, и потащил животное прямо поперёк движения. Корова упёрлась. Бурый с той стороны поднялся на ноги, но Савва свистнул, и пёс опять лёг. Овцы не спеша обогнули корову, словно она всегда стояла в этом месте.

— Язык при себе? — спросила Анисья у мальчика.

Тот приоткрыл рот.

— Ну так спроси, где пройти, а не тащи скотину за шею. Обойдём тебя, подожди.

Мальчик отпустил верёвку посвободнее. Дуня показала ему место за повозкой, куда через минуту стало можно перейти. Он поблагодарил едва слышно и побежал, оглядываясь на Савву; видимо, пугал его именно этот человек, хотя тот пока не сказал ни слова.

— Старики у всех одинаково выглядят, — заметила Анисья. — У него, поди, дома такой дед. Скажешь лишнее — до вечера ходишь виноватый.

Дуня засмеялась. Савва услышал смех и повернулся, однако уже пора было двигаться за головными. Он махнул Дуне и Анисье рукой и пошёл, высоко поднимая ноги над невидимыми отсюда неровностями.

Когда миновали мальчика, Анисья развязала узелок на платке и достала две монеты.

— Акимовы передать надо. Он в Александровском квартиру снимает, жена там. Если обратно кто встретится, не забудь и ты глазами смотреть.

— Я думала, она у него в деревне.

— Все думают. Она шьёт людям, у неё в Александровском заказов больше. А что у него в деревне? Дом брату остался, не станешь жить в чужом чулане, пока муж по пастбищам ходит. Анисья снова завязала платок с монетами.

— А ты сама где зимой будешь? — спросила Дуня.

— Пока у сестры. Потом посмотрю.

— В тесноте?

— На середину кровати меня сестра не пустит, это уж верно. Зато есть даст без счёта.

Дуня улыбнулась, но Анисья покачала головой.

— Не думай, будто я вам в счёт ставлю. Вы наняли. У нас с тобой яснее, чем с иными родными.

Повозка подпрыгнула. Дуня придержала жестянку с краской, чтобы не ударилась о борт. Крышку закрыли неплотно, по краю тянулась подсохшая красная полоска. Пальцы снова испачкались, и ей стало смешно: утренняя работа кончилась, а краска всё ещё липла к рукам.

* * *

Савва показал место для первой остановки ещё издали. Низина начиналась пологим спуском; по одному краю земля держала редкую зелень, по другому серела глина, на которой стояла вчерашняя вода. Овец повели к траве, повозку оставили выше. Пока Аким с Федотом растягивали отару вдоль сухого края, Лука пошёл к глинистой полосе.

Дуня видела, как он пробовал землю носком сапога, потом наступил всей ступнёй и выдернул ногу с коротким злым движением. Савва смотрел с места и не мешал ему проверить самому. Дуня ждала, что сейчас старик скажет что-нибудь едкое, но он только спросил, высоко ли захлюпало.

— До подошвы всего.

— Овца и ниже подошвы бывает.

Лука сел на камень и начал счищать глину палочкой. Здесь они и останутся, решили без нового спора. Дальше земля просыхала, но к ней пришлось бы выходить через мокрое, а перед наступлением темноты возвращаться тем же путём к воде. За день прошли немного. У отары оставалось время пастись, и Дуня радовалась этому почти телом: с утра она замечала каждую голову, опускавшуюся к траве, будто сама не позавтракала.

Анисья выпрягла кобылу. Лука привязал рыжего подальше от мешков, где лежал овёс, и принёс котёл. На костёр хватало сухих обломков, собранных перед выходом; дальше придётся искать топливо по дороге. Дрова на всю осень на повозке не помещались.

Дуня разгребла место под огонь, выбрала из земли тонкие стебли, сложила рядом. Когда потянулась за следующей охапкой, Анисья остановила её:

— Дай рукам отдохнуть.

— Они у меня не кончились.

— У меня тоже. Иначе что мне за четыре с полтиной делать?

Дуня отступила и оглянулась на отару. Отпустить руки оказалось труднее, чем она ожидала. Она могла сесть, могла отойти за повозку и вынуть письмо Александры, которое везла в отдельном полотняном мешочке. Но Лука стоял у рыжего, прижимая ладонь к лошадиной шее, и она не хотела, чтобы он увидел письмо именно теперь.

— Я к воде, — сказала Дуня.

Савва указал ей место у нижнего склона. Там по желобку бежала вода и собиралась в вытянутом неглубоком корыте. Выше, среди травы, виднелась кладка из неровных камней;

два из них удерживала новая доска. Место не было ничьим. Деревянный забор отгораживал небольшой огород, а возле забора стоял человек в рубаше, вытянутой на локтях.

Савва уже договорился с ним: напоят по очереди, не затопчут подход, дадут сначала пройти его коровам. Дуня набрала воды для котла, отнесла наверх и вернулась. К корыту нельзя было подвести всех сразу. Первые овцы пили, следующие давили сзади, толкая передних; Аким отгонял слишком близко подошедших, Федот держал правый край. Дунина юбка быстро намочила ниже колен, хотя она старалась стоять на камнях.

Лука пришёл после неё. Поставил рядом два пустых ведра, перешагнул через желобок и занял место, где стадо пыталось повернуть к огороду. Теперь они работали молча, короткими окликациями направляя животных. Корыто опустошалось скорее, чем наполнялось, и приходилось ждать, пока новая вода покроет дно. Во время ожидания овцы тянулись к луже под бортом. Аким подправил полого лежавшую доску, чтобы вода уходила от ног, а не застаивалась в самом проходе.

В какой-то момент Дуня подняла голову и увидела, что солнце сдвинулось за плечо брата. Она бы сказала, они только начали. Руки уже заныли от постоянного движения: отвести, придержать, приподнять шерстяной бок, не дать жадной до воды морде лечь поверх другой. Вздыхнув, она приняла от Луки полное ведро и понесла к крайнему корыту, меньшему, куда они отвели нескольких животных.

Хозяин вышел из огорода с маленькой девочкой. У девочки было большое яблоко, явно надкушенное кем-то другим: она держала его обеими руками, не зная, с какой стороны удобнее подступиться. Поглядев на овец, спросила у Дуни, все ли они её.

— Не все.

— А какие ваши?

Дуня указала на красную метку.

— С пятном.

Девочка долго выбирала взглядом.

— Я бы вон ту взяла. Она маленькая.

— Маленькие больше заботы требуют.

— Так ведь её и любить легче. На руки можно.

Дуня рассмеялась. Девочка отступила, решив, что над ней смеются, но Дуня позвала её ближе и дала прикоснуться к сухой шерсти на загривке молодой овцы. Животное терпело недолго; повернуло голову, чихнуло и ушло, оставив на детских пальцах запах, который девочка долго нюхала с удивлением.

Когда отара наконец отошла от воды, хозяин проводил их до забора. Лука протянул ему деньги, тот убрал, не разглядывая, и сказал, что через пару дней подсохнет. Дуня посмотрела на полосу глины. К тому времени им нужно будет уйти дальше; сухой участок останется другим людям.

* * *

К вечеру Анисья сварила густую похлёбку. Овцы лежали на пологом месте выше сырости, привыкая к новому кругу запахов. Федот первым попробовал устроиться возле котла, но Аким отослал его сменить Савву: тот с самого выхода всё время находился при отаре. Федот вскочил слишком быстро, пролив на сапог воду из кружки, и ушёл, на ходу встряхивая ногой.

— У него это к вечеру проходит? — спросила Анисья.

— Что?

— Прыгать.

Аким покачал головой.

— Спит ещё быстрее.

Лука улыбнулся. Дуня увидела у него привычную детскую складку возле рта, ту, которая в последнее время исчезала, как только появлялись посторонние. Он сидел прямо на земле, подкладывая под себя край мешка, и держал миску обеими руками. Он ел чужой ложкой. Отцовскую Дуня везла в полотняном мешочке с письмом, хотя брать не собиралась: просто мыла всё, что нашли в сарае, завернула и положила. Теперь и признаться было неловко, будто она увезла дорогую вещь тайком.

Савва пришёл последним. Опустился на перевёрнутый ящик, вытянул ноги и долго развязывал ремешок сумки. Дуня подала ему хлеб; он принял, не отрывая взгляда от узла, затем вдруг замер.

— Что? — спросила она.

— Крепко завязал. Пока руки тёплые были.

Она взяла ремешок, ослабила и вернула сумку. Старик достал маленький пузырёк, растёр несколько капель в ладонях, потом убрал его глубоко, словно больше никто не должен был видеть, что пальцам требуется помощь.

Дуня повернулась к костру. На голове Акима от отблесков огня появилась медная полоска; небо за его плечом уже посерело. Он рассказывал Луке, как прошлой зимой Марфа переделала шинель человеку, который велел сделать её совершенно новой, но сохранить старые пуговицы, ворот и подкладку. Чем больше вещей требовалось сохранить, тем меньше ткани разрешалось отпороть. В конце Аким замолчал, давая Луке самому представить результат.

— И что она ему сшила?

— То, что он просил. Он сказал, ничего не переменялось.

Анисья засмеялась громче всех. Савва покачал головой:

— Чего ж он носить её не мог? И не мучил бы женщину.

Потом заговорили об обратной дороге. Савва пояснил, что возвращаться в Александровское после перегона не собирается. Сын Николай живёт в Прасковее, зовёт к себе, работы по дворам старому хватит, если сидеть станет не вмоготу.

— А на будущий год? — спросил Лука.

— На будущий год ты сам поведёшь.

Он сказал это легко, зачерпнув из миски, и Лука сперва улыбнулся, приняв за похвалу. Но Савва спокойно продолжал есть, и улыбка Луки пропала.

— Совсем, что ли?

— Не нанимался ещё. Посмотрю.

Дуня знала эту отговорку. Ею старик пользовался ещё летом, когда она спрашивала, поедет ли к сыну после их дороги. Тогда он говорил: надо сначала увидеть, как приготовились внизу. Сейчас до низа оставалось почти три недели, и он уже нашёл следующее «посмотрю».

Лука отставил пустую миску.

— Мы вам работу оставим. В кошарах можно, там ходить столько не надо.

— Ноги пока свои. Дойдём — там решим.

— У меня и место найдётся.

Савва поднял голову.

— Мне к Николаю надо, Лука. До ваших кошар дойду, рассчитаюсь — и к нему.

Аким попросил хлеба. Анисья передала остаток, завернула нож в полотенце, и разговор свернул к тому, хватит ли завтра припаса или придётся покупать на дороге. Дуня подвинула Савве миску. Старик поблагодарил и спросил у Анисьи, где утром достать свежего; брату отвечать больше не стал.

Когда поднялась луна, Лука пошёл проверить край отары. Аким ушёл ему навстречу, чтобы поговорить о ночных сменах, а Савва лёг возле повозки, отвернувшись от костра. Дуня принесла Федоту миску. Он ел стоя, держа её неловко: не привык одновременно смотреть на овец и на собственную ложку. Она попросила, чтобы хотя бы сел.

— Тогда пропущу, — сказал он.

— Кого?

— Которые встанут.

— Они уже встают. Вон та, с чёрным носом. Видишь? И ничего пока от тебя не надо.

Федот посмотрел. Овца переступила ближе к лежавшей соседке и снова улеглась. Он сел на корточки, а Дуня осталась рядом, пока он ел. В темноте смешались цвета шерсти; красные метки исчезли раньше остальных различий, и теперь она видела только спины, отдельные уши и тёмные провалы между животными. Днём ей хотелось выделить своё; ночью всё вокруг принадлежало одному слуху.

— Лука Васильич сердится, — сказал Федот.

— С чего ты взял?

— Вы когда говорили, у него шея покраснела.

Она усмехнулась.

— У него она и от воротника краснеет.

— Это я знаю.

Дуня посмотрела на него. Он уже не улыбался, и она не стала отделиваться ещё одной шуткой.

— Ему не нравится, что я уезжаю.

— А вы уезжаете?

— Уезжаю.

Федот провёл ложкой по миске, собирая со дна.

— Анистья говорила, хлеб печь будете.

— Буду, если с Александрой сойдёмся.

— У неё там лавка?

— Небольшая. Заказы берёт. Не всё сразу выходит, вот и зовёт.

— А вам лучше выходит?

Вопрос оказался таким простым, что Дуня некоторое время не знала, что на него ответить. Дома она пекла лучше многих. Но дома знала муку, печь и тех, кто будет есть; брат хвалил хлеб, потому что был голоден, отец искал корку потолще. Это не означало, что в Прасковее люди принесут ей деньги.

— Разное умеем, — сказала она. — Я попробую.

— Если выйдет, дайте мне знать. Приду покупать.

— За столько вёрст из-за хлеба не ходят.

Федот постучал ложкой о край миски.

— Я к тому времени верхом буду.

Он сказал это без шутки. Дуня забрала пустую посуду и понесла к повозке. Представила Федота, привязывающего собственную лошадь возле пекарни, и улыбнулась.

* * *

Письмо она прочитала под пологом, прикрыв огонёк ладонью. Александра писала крупно, сильно нажимая пером; чернила кое-где прошли на другую сторону. У неё нужно было чинить нижнюю часть печи, покупать муку до осеннего подорожания и менять стол, который расшатался возле стены. О деньгах написала прямо, без уговора: сколько Дуня сможет вложить, как будут считать расходы и что сделают, если одна захочет уйти. В конце, уже между тесными строками, стояло: «Платить себе надо с первого заработка, а то я всякий раз в хозяйство кладу и опять хожу в чужих башмаках».

Дуня знала эти башмаки. Они достались Александре от сестры, почти новые, после её отъезда; чужими же хозяйка называла их потому, что носок жал на одном пальце и приходилось

к вечеру снимать обувь под столом. Летом в Александровском она сидела так на крыльце, разминая ступню, и рассказывала о печи, будто та была женщиной с трудным характером: со всяким может поругаться, а работу всё равно сделает.

Тогда Дуня сказала, что приехала бы. Александра не бросилась её обнимать. Спросила, что скажет брат. Дуня ответила: брат взрослый. И обе рассмеялись, потому что взрослость братьев редко помогала с первого раза.

Теперь Лука спал по другую сторону повозки. Дуня слышала, как он кашлянул, устраиваясь удобнее, затем наступила тишина. Между ними были мешки, точило, запас хлеба, связка деревянных ложек, весь общий путь, на который они всё-таки вышли вместе. Она свернула письмо по старым сгибам, задержала пальцы на отцовской ложке и вынула её из мешочка.

Ложка была тёмная, гладкая у черенка. Её когда-то обжёг край котла, и с одной стороны осталось чёрное пятно. Дуня вынесла ложку наружу, ощупью нашла братьев мешок и положила сверху. От шума ткани Лука приподнялся на локте.

— Что такое?

— Ничего. Ложка тебе.

Он взял её. Дуня увидела, как его большой палец лёг на чёрный край.

— А у тебя есть?

— Есть.

— Оставь себе, если хочешь.

— Я тебе принесла.

Он сел. За спиной у него Бурый поднял голову и снова опустил её на лапы.

— Дуня, — сказал Лука, — я не затем её вёз, чтобы ты ела простой.

— Ты её вообще не вёз. Она у меня была.

Он улыбнулся в темноте, и она услышала улыбку прежде, чем увидела.

— Вот и разобрались.

Дуня присела возле него. Они посмотрели на спящих овец, на красноватую точку догоравшего костра. Федот шёл вдоль края отары, очень стараясь ступать бесшумно; сухая трава под его ногами шуршала громче обычных шагов. Дуня хотела сказать брату, чтобы перестал обещать за неё. Не сказала. За день уже наговорили достаточно, а сидеть рядом без обещаний тоже было можно.

Наконец Лука лёг, укрывшись пологом до подбородка. Ложку сунул в свёрнутую одежду у изголовья. Дуня вернулась к своему месту. Далеко по дороге прошла одинокая повозка; сначала было слышно, как звенит железо у колеса, потом всё затихло. Первая ночь началась, когда перестали ждать последнего дневного дела.

Глава 3. Земля под ногами

Лука проснулся оттого, что Пятак толкнул его мордой в плечо. Пёс стоял так близко, что весь мир сперва состоял из мокрого носа и тёплого дыхания. Лука отвёл его рукой, сел и увидел Федота на другом краю стоянки. Тот держался за пояс, наклонившись вперёд, и смотрел на землю.

— Что там?

Федот не услышал. Лука поднялся и подошёл. У ног парня лежало несколько мелких яблок, высыпавшихся из-за пазухи. Он собирал их одно за другим, как будто за ночь больше не случилось ничего, о чём стоило бы говорить.

— Откуда взял?

— Девчонка принесла. Которая у воды. Вечером ещё.

— Ты на смене яблоки ел?

Федот разогнулся.

— Ел. А овцы, пока я ел, лежали. Я посматривал.

Он протянул два самых крупных. Лука взял одно, надкусил; оказалось кислое и твёрдое. Проснулся сразу. На шапке Федота блестела роса, но глаза были ясные. Ночная смена закончилась раньше, и он успел поспать, пока при отаре оставался Аким.

— Хоть вымоешь сначала, — сказал Лука.

— Роса вымыла.

— Роса у тебя и сапоги чистит?

Федот поглядел на свои сапоги, на которых вчерашняя грязь уже подсохла, и рассмеялся. Лука доел яблоко, не особенно морщась. Хотелось показать, что и он умеет есть кислое, хотя состязаться с Федотом в подобных вещах было поздно и некстати.

У повозки Анисья раздувала огонь. Над котлом парило так густо, что её лицо исчезало, когда она нагибалась. Дуня полоскала миски, выбрав для них отдельное ведро; грязную воду носила подальше от места, где лежали животные. Савва сидел на ящике и вынимал из сапог стельки. На одном чулке возле пятки было тёмное пятно.

— Натёрли? — спросил Лука.

— Сапог давно натирает, ноги новые не выдают.

Лука нагнулся. Старик сразу опустил ногу и стал натягивать чулок.

— Давайте посмотрим.

— Что там глядеть? Кожа. У тебя такая же.

Сказано было резко. Лука выпрямился. Савва постоял, попробовал ногу, затем будто вспомнил что-то и достал из сумки полоску чистого полотна. Пока старик обматывал пятку, Лука придерживал его сапог, не задавая больше вопросов.

Отара поднялась не вся сразу. Часть животных ещё лежала, жуя; другие уже разошлись по траве вокруг стоянки. Перед тем как двинуться, надо было снова напоить. Они вернулись к корытам, и работа у воды повторилась почти в точности, только Лука теперь понимал, почему Савва вчера остановился так рано. Если бы ушли за глинистую полосу, на один этот подход потратили бы лишний час и вернулись с ногами, облепленными грязью.

Путь на восток начинался за небольшим подъёмом. Отсюда можно было держаться привычной дороги, идти вдоль её изгибов, ночевать у следующего двора. Можно было срезать по старой полосе меж двух участков: там раньше возили сено, земля стояла выше сырости и вывела бы их к сухому гребню. Савва ходил этим путём несколько лет назад. Он показал Луке дальний тёмный бугор и сказал, что за ним найдут выезд.

— А вода?

— После спуска. Только глянуть сперва надо. Вверху не стойте.

Лука вывел рыжего, подтянул подпругу и поехал вперёд. Он любил эти минуты больше общего движения: лошадь шла охотно, никто не останавливался без видимой причины, можно было оглянуться и сразу увидеть, сколько осталось позади. Ветер ещё не поднялся, пахло влажной землёй и тем резким осенним запахом, который оставался на пальцах, если растереть сухую траву.

На подъёме рыжий сам сбавил шаг. Лука не стал понукать. Сверху открылась полоса свежей пахоты. Там, где Савва помнил проезд, стояли в земле колышки, а дальше, за ними, тянулся новый ровный след бороны. По склону шёл человек с двумя волами. Увидев верхового, он остановился и опёрся на рукоять.

Лука спешил, чтобы подойти краем дороги и не топтать рыхлую землю. Человек был старше его лет на десять, с обожжённым ветром лицом. Из-под незастёгнутого ворота виднелся серый край нательной рубахи, на рукаве тянулся грубый шов.

— Здесь проезд был, — сказал Лука.

— Был.

— К низу, мимо бугра.

— Знаю, где был.

Волы стояли терпеливо; один повернул голову и лизнул себе бок. Лука посмотрел на полосы бороны. По ним можно было проехать одному, не нанеся великого ущерба, однако шесть сотен овец превратили бы рыхлую землю в совсем другое место.

— Мы с отарой. Там прошли бы по краю, где ещё не брали.

Человек повёл подбородком к колышкам.

— До них моё. За ними соседово. Он тоже не пустит: посеял позавчера. Дорога у вас вон там.

— Там крюк.

— А у меня хлеб.

Он не сердился. От этого Лука почувствовал себя человеком, который просит странную вещь и сам ещё не замечает её странности. Всё поле лежало перед ними, огромное для двух рук за бороной и маленькое для отары, способной пересечь его за несколько минут. Лука вспомнил свою злость на мальчика, однажды выпустившего коров к их запасённому сену, и перестал подыскивать следующую просьбу.

— Я не знал, что проезд забрали.

— Весной уже здесь пахали. Через бугор верхом пройдёте, а скотину выводите на дорогу.

Человек снова взялся за рукоять. Лука придержал рыжего, давая волам развернуться. Они прошли тяжело, размеренно; под ногами крошилась тёмная земля. Ветер донёс от отары лай. Лука поднялся на бугор и увидел, что головные уже идут к полосе, где он стоял.

Он вскочил в седло и помчался вниз.

* * *

Савва успел остановить передних, но вся отара не могла остановиться сразу. Сзади продолжали подгонять, не видя, что изменилось за склоном. Лука замахал рукой ещё издали. Федот принял знак за просьбу придержать левую сторону, побежал туда, а освобождённый правый край потянулся к зелёной полосе у пахоты.

Лука выехал наперерез. Рыжий не любил тесноты овечьих спин и шарахнулся, когда прямо под ноги ему метнулась молодая овца. Лука удержался, взявшись за гриву; повод ушёл из одной руки, и теперь он пытался одновременно остановить лошадь и крикнуть Федоту, чтобы тот не бежал за Пятаком.

Пятак увидел разбегающихся животных и заработал слишком широко. Отрезал пятерых от общего края, загнал их в ложбинку и, гордясь удачей, принялся лаять. Федот бросился сле-

дом. Овцы выскочили с другой стороны, парень поскользнулся на влажном дёрне и рухнул на колено.

Дуня оказалась ближе остальных. Она остановила Пятака голосом, который Лука редко от неё слышал, затем вышла перед пятёркой с поднятыми руками. Животные притормозили. Федот поднялся, кривя лицо, и попытался снова побежать, но Дуня велела ему идти шагом. Аким подошёл сбоку и за несколько движений вернул отделившихся к хвосту отары.

Лука слез с рыжего. Сердце билось до боли под ложечкой. Он привязал лошадь к повозке, прошёл к Федоту и спросил, цела ли нога.

— Цела.

— Почему тогда кривишься?

— Земля твёрдая.

На колене у него темнело мокрое пятно, штанина была разодрана ещё шире вчерашней зацепки. Дуня попросила показать, но Федот попятился.

— Потом. Всё идёт.

— Ничего пока не идёт, — сказал Лука. — Сядь.

Федот сел на край колеи и принялся заворачивать штанину. Кожа оказалась содрана, крови было немного. Дуня принесла чистую воду, смыла приставшую землю. Пока она работала, Федот смотрел в сторону и пытался шутить, но при каждом прикосновении обрывал себя коротким вздохом.

— Ногу согни, — попросил Лука.

Парень согнул, выпрямил и поднялся. Постоял на ней, затем сделал несколько шагов. Хромал от боли, однако нога держала. Дуня перевязала колено чистым полотном, не затягивая туго. На повозку его посадили на первый час, а Анисья велела не уронить узел, который снова пришлось подвинуть ради чужой нужды.

Савва подошёл к Луке.

— С пахотой как?

— Нельзя там. Весной взяли.

— Я в прошлом году ниже ходил. Твоему отцу говорил, что глянуть надо.

— Глянул.

Старик посмотрел на пустую дорожную полосу, по которой они уже не пойдут. Ничего не сказал ни о потерянном часе, ни о том, как Лука махал рукой. Потом повернулся к Акиму и стал объяснять новый поворот; говорил медленно, показывая не туда, где стояли сами, а на дальнюю линию дороги. Лука слушал и понимал, что должен повторить это Федоту, когда тот спустится с повозки. Приказа «держи справа» хватало лишь до первой перемены места.

Они повели животных назад по собственному следу. Часть уже успела пощипать траву и возвращалась неохотно. Лука работал на краю один, потому что Федот сидел на повозке; Пятак ходил рядом, у самой ноги, время от времени поглядывая вверх. За сорванное движение псу уже досталось окриком, и теперь он ждал, когда ему снова позволят делать полезное.

Дуня прошла мимо с пустым ведром.

— Акимовы деньги отдала, — сказала она.

Лука не сразу понял.

— Кому?

— Человеку с пустой телегой. Анисья знает его, он в Александровское. Адрес повторил. Аким уже сказала.

Лука кивнул и пропустил вперёд ещё несколько овец. Посмотрел на Акима: тот что-то сказал Анисье, оба засмеялись. Значит, она действительно знала посыльного.

* * *

К полудню они вышли на дорогу, которую можно было выбрать сразу. Лука посматривал на солнце и прикидывал, сколько удалось бы пройти, не сделай он этого крюка. Савва заметил, но не стал его утешать. Старик шёл вдоль отары с палкой, которую утром вырезал из сухой ветви; иногда опирался, иногда просто нёс поперёк ладони, словно палка была ещё одной вещью, не имеющей отношения к ногам.

Повозка догнала их на ровном участке. Федот слез, попробовал пройти рядом, затем сказал, что сзади справится. Лука хотел отправить его обратно на сиденье, но Аким возразил: — Пусть идёт, пока ровно. Останется тут, если заболело. Я вижу.

Федот посмотрел на Акима с такой благодарностью, будто ему разрешили участвовать в празднике. Лука отошёл к голове отары и позволил обоим решить самим. Это было небольшое уступленное место, величиной в десяток шагов, однако весь остаток перехода он всё равно оглядывался.

По левую руку открылась далёкая светлая вода. Издали она казалась неподвижной; только у берега колыхалась узкая полоса отражений. Лука спросил у Саввы, нельзя ли спуститься там. Тот назвал место ниже, где подход был лучше, и показал бугор, который нужно обойти. Лука вспомнил пахоту и не поехал наугад: позвал Акима, передал ему передний край и сам пошёл с Саввой к спуску.

Вблизи вода оказалась небольшой запрудой при дворе, а не свободным речным плёсом. Возле берега стояли чьи-то гуси, в мокрой земле отпечатались колёса. Хозяин разрешил напиться с другой стороны, где не брали воду для дома. Там было теснее, зато берег держал. Савва прошёл его до самого конца, потыкал палкой, вытащил из ила старую ветку.

— Вот здесь руками встанем. Дальше мягко.

Лука проверил следом. Двоим можно было встать на твёрдом и руками придерживать овец, чтобы не лезли в ил; подходить опять придётся не всем сразу. Он вернулся к отаре и рассказал остальным весь порядок, включая то, где будет ждать Анисья. Та послушала с повозки, наклонив голову.

— Нас тоже в воду поставишь?

— Вас пока на берег.

— Пока уже хорошо.

Они управились спокойнее, чем утром. Лука несколько раз поймал себя на том, что ждёт новой неудачи именно потому, что всё идёт ровно. Пятак держался сбоку, не забегал перед овцами. Федот действовал медленнее обычного и оттого реже мешал Акиму. Когда закончилась очередь, Дуня сняла платок, промокший по краю, и завязала другим концом. Лицо у неё было красное от работы.

На кормёжке Лука растянулся на сухом склоне, подложив руки под голову. Над ним ходили облака, похожие снизу на неровную подкладку овчинного полушубка. Он помнил, как отец вытягивал такой полушубок на коленях, проверяя мездру, и ворчал, что люди только снаружи смотрят. Лука машинально искал привычное слово, которым отец называл слишком мягкую шкуру, и не нашёл. От этого короткого провала стало страшнее, чем от утренней пахоты. Пока вещи лежали на повозке, казалось, всё можно удержать; голос уходил без спроса.

Дуня села чуть ниже, на собственный сложенный платок. Достала иглу и принялась за Федотову штанину: парень на время переоделся за повозкой в старые портки и теперь ходил, стараясь держаться подальше от женщин.

— Он сам мог, — сказал Лука.

— У него стежки большие. Завтра опять зацепится.

— Я в его годы сам шил.

— Знаю. Я после тебя распарывала.

Он улыбнулся. Дуня прищурилась, вдела нитку в иглу и опустила руки на колени.

— Не думай о проезде. Теперь знаешь.

— А если бы я не успел вернуться?

Она посмотрела на него внимательнее.

— Успел же. Считай, повезло.

Луке хотелось, чтобы она сказала что-нибудь другое: что он правильно поехал, правильно увидел, правильно остановил. Дуня зашивала разрыв. Он отвёл глаза от шитья у неё на коленях.

Он повернулся на бок и спросил, зачем ей самой идти весь путь. Можно было сесть на попутную повозку, доехать до Прасковей раньше, подготовить свою пекарню, а овец он приведёт вместе с остальными. В его предложении было настоящее удобство; он говорил мягко и слышал это.

Дуня долго не отвечала. Он решил, что обиделась. Но она лишь закончила шов, закрепила нитку и откусила конец.

— Ты их там продашь?

— По твоей цене.

— А если цена будет меньше?

— Подождём.

— А если я ждать не хочу?

Лука сел.

— Ты думаешь, я нарочно тебе худого сделаю?

— Нет. Ты будешь ждать лучшего. А я всё это время буду там ждать тебя.

Она сложила штаны швом внутрь. Лука взял их, чтобы отнести Федоту. Парень ждал за повозкой, сидел на своём мешке. Лука положил штаны рядом, кивнул в ответ на благодарность и только тут заметил, что всё ещё держит край ткани.

* * *

К вечеру земля поднялась, ветер посвежел. За день они всё-таки прошли больше, чем накануне, хотя Лука ещё утром считал день потерянным. Отара вытянулась по сухой полосе; вдоль неё, дальше от дороги, стояли низкие стога. На ночлег разрешили остановиться у пустого загона, если не подпускать животных к чужому сену. Лука сам прошёл по ограде, нащупывая разошедшиеся жерди, и позвал Акима с верёвками.

Они починили два слабых места. Аким забил несколько гвоздей из своей сумки, после чего Лука попросил записать их стоимость.

— Три гвоздя? — переспросил работник.

— Вы же их купили.

— Купил. Когда четвёртый пойдёт, я вас разорю.

Лука засмеялся и в первый раз за день перестал следить за собственным смехом. Аким придержал жердь, пока он обматывал стык верёвкой. Пальцы у обоих были грязные, под ногами забились тёмная земля; узел вышел некрасивый, зато жердь больше не ходила.

Внутри загона овцы начали укладываться почти сразу. Савва проверил, нет ли ям, где ночью могли сбиться лежащие, затем отступил к повозке. Бурый шёл за ним, прихрамывая после длинного дня. Лука позвал Пятака и оставил при себе, чтобы старому псу не приходилось снова вставать на каждый звук.

Федот принёс связку травы для растопки, найденную возле дороги. Похвастался, что высохла как следует. Анилья понюхала, велела положить поодаль: дым будет слишком горький, рядом есть лучшая. Он вздохнул и пошёл за новой. Лука не окликнул его, чтобы дать ещё одно поручение.

Когда стемнело, к стоянке подъехал человек с той самой пустой телегой, которому передали Акимовы монеты. Возвращался уже с мешками; остановился, не слезая, и сказал, что Марфу нашёл. Она благодарит, просит не класть мокрые рукавицы в мешок, прислала мужу свёрток. Аким развернул свёрток, провёл рукой по чистой рубахе и отнёс её вместе с остальным за повозку, не показывая, что ещё прислала Марфа.

Дуня записала, что деньги доставлены. Лука подал ей хлеб, положил рядом с книжицей. Завтра уже не нужно будет высматривать Акимова посыльного.

Перед сном Савва спросил, как пойдут завтра. Лука назвал дорогу, объяснил, у какого места свернуть только после проверки. Старик кивнул и занялся ремешком сумки. Через минуту сказал:

— Хорошо бы ветер не усилился.

Глава 4. Пока держится огонь

К полудню ветер перестал пускать слова с первого раза. Дуня видела, как у Луки двигаются губы, однако слышала лишь последние слоги. Брат стоял на другой стороне отары и показывал рукой вниз. Она повторила его движение, чтобы понять: увидела, — и пошла вдоль животных к пологому спуску.

Овцы теснились там, где склон немного прикрывал от ветра. Труднее всего оказалось не дать передним остановиться раньше времени. За ними напирали другие, а в самой ложбине лежала вымытая дождём борозда, издали похожая на безобидную тень. Дуня встала возле неё, отводя крайних в сторону. Платок сбился на глаза; поправить его можно было только между двумя шерстяными боками, и всякий раз она чуть опаздывала.

Савва подошёл понизу с Бурым. Старик нёс в руке шапку, придерживая её за край, и сам от этого выглядел непривычно: редкие волосы пригладились к голове, уши покраснели. Пёс лёг возле борозды, оставив достаточно места для прохода. Дуня смогла отступить на шаг, закрепить платок и наконец выдохнуть без пыли во рту.

Повозка оставалась наверху. Анисья не могла провести кобылу по тому же спуску: один край колеи просел, другой уходил боком. Лука уже поднимался к ней. Дуня видела, как он осмотрел склон, потом повернулся к дороге и долго шёл вдоль гребня, отыскивая место положе. Вернулся, повёл кобылу за уздечку. Анисья шла возле заднего колеса, придерживая на неровностях; с другой стороны Аким брался за борт.

Дуня не могла пойти помогать им: возле овец оставались лишь она, Савва и Федот. Федот всё ещё берёг колено и потому смотрел под ноги чаще, чем на край отары. Она позвала его ближе, отдала место у борозды, а сама обошла нижнюю сторону, где животные тянулись к сухим стеблям.

Здесь были слышны их дыхание и шорох шерсти. Вверху на сухой земле ветер свистел, поднимая мелкую пыль, а внизу вдруг оказалось тепло. Дуня чувствовала, как остуженные руки отогреваются сами, пока держит их на поясе. Одна овца протянула морду к мокрому краю её юбки, попробовала пожевать и отошла. Красная метка на затылке поблекла, но ещё различалась.

С утреннего водопоя прошли немного. Им хотелось дойти до следующей стоянки, о которой Савва расспрашивал человека у дороги, однако там, на открытом месте, ветер оказался сильнее. Пришлось свернуть в эту ложбину, переждать, а потом решать. Дуня смотрела, как повозка медленно спускается к ним, и уже понимала, что быстро поднять её обратно не получится.

Внизу Лука помог Анисье выровнять кобылу. Отвязал рыжего и повёл к защищённой стороне. Сестре через спины животных крикнул:

— Час постоим!

Она кивнула. Внизу голос его наконец звучал целиком.

* * *

Развести огонь сразу не удалось. Анисья прикрывала растопку полкой, Федот держал над ней доску, снятую с пустого ящика, но порыв заходил сбоку и развеивал мелкие щепки. Пламя дважды поднималось и гасло. Анисья распрямилась, вытерла ладонью лицо и сказала, что третий раз будет варить ветер: его, по крайней мере, не жалко.

Федот попытался поставить доску торчком, воткнув её в землю. Она легла плашмя прежде, чем он отпустил руки. Дуня засмеялась от неожиданности; сама в этом смехе услышала усталость.

— Вам весело, — сказал он.

— Пока только доска упала.

Они подыскивали другое место, подальше от повозки и пологов, у низкого земляного уступа. Лука принёс несколько плоских камней, Аким придержал доску, пока Дуня ставила их по бокам. Получилась небольшая стенка; ветер всё ещё находил щели, зато не бил прямо в растопку. Отара тем временем лежала или паслась ниже, при ней оставался Савва с собаками. Дуня видела его через ровную полосу спин: он стоял, опираясь на палку, и смотрел не на костёр, а на верхний край ложбины.

Огонь взялся с третьей попытки. Анисья подставила котёл и велела никому не радоваться раньше кипения.

Федот грел руки слишком близко, едва не касаясь огня краями рукавов. Дуня отодвинула его локоть. Он посмотрел на неё, на отару, снова на неё.

— А в печи всё проще?

— Смотря какая печь.

— В настоящей. Чтоб двери закрыть.

— Двери закроешь, а тягу чем прикажешь делать?

Он задумался. Анисья положила щепку так, чтобы она не заслоняла нижний просвет, и сказала:

— В настоящей тоже смотреть надо. Только небо над котлом меньше.

Дуня присела на корточки возле камней. Огонь подсвечивал ногти, под которыми за три дня собралась грязь; красная краска осталась в одном месте возле косточки. Она подумала, что именно этими руками будет мять тесто, и вдруг захотела вымыть их сейчас, немедленно, не для еды, не ради чистой миски, а чтобы они опять стали похожи на руки женщины, которой могут доверить белый хлеб.

Воды на это потребовалось бы мало. Но бочонок стоял на повозке, Анисья считала каждую вынутую кружку до следующего наполнения, и Дуня осталась сидеть. Ещё успеется, когда станут мыть посуду.

Сверху к ним спустился мальчик лет двенадцати с корзиной. Первым его заметил Бурый, поднялся и тихо зарычал; Савва отвёл пса за ошейник и жестом показал мальчику, где пройти. Тот добрался до повозки, прижимая корзину к груди, и спросил, не возьмут ли яйца.

— У вашей матери тоже огонь не горит? — спросила Анисья.

— У нас печь.

— Вот счастливые люди.

Мальчик поставил корзину и открыл полотенце. Яиц было немного, десятка полтора, каждое в мягкой соломе. Лука начал спрашивать цену, а Дуня поинтересовалась, далеко ли живут. Мальчик указал за верхний изгиб ложбины: там стоял двор, которого с дороги не было видно. Мать послала посмотреть, кто остановился; отец уехал с зерном, вернётся к ночи.

Они купили яйца. Анисья отсчитала несколько в котёл, остальные спрятала в свой узел, чтобы не раскатились. Мальчик получил деньги и остался, глядя на овец.

— Кто здесь главный? — спросил он.

Федот немедленно показал на Анисью.

— У кого ложка, тот и главный.

Мальчик не поверил и посмотрел на Луку. Тот улыбнулся, однако Дуня заметила, как он выпрямил плечи. Шутить расхотелось.

Мальчик ещё постоял, потом сказал, что мать велела спросить о молоке: нет ли у них на продажу. Анисья подняла брови.

— На осень от нас молока захотела? Скажи, пусть своих коров доит.

— Наша не доится сейчас.

— Тогда яйца назад бери, будем их поить молоком, — сказал Федот.

Мальчик посмотрел на него с осторожным уважением: явно не понял, можно ли смеяться. Дуня проводила его к выходу из ложбины, чтобы Бурый снова не пугал, и по дороге спросила, есть ли у матери немного муки. Купить хотела, если лишняя. Мальчик оживился и позвал идти с ним.

Дуня вернулась к повозке за деньгами и сказала Луке, куда уходит. Он спросил, сколько времени займёт. Она показала на изгиб, за которым скрылся мальчик.

— Пока дойду, посмотрю и вернусь. Овцы здесь останутся.

— Я понимаю, что здесь.

— Тогда жди с хлебом.

Он посмотрел на миску в своих руках и рассмеялся; на этот раз ссоры не вышло.

* * *

Двор оказался совсем близко. Два невысоких строения стояли под углом, между ними росло дерево с перекрученным стволом. У стены лежали перевёрнутые корзины, пахло пером и подсохшим навозом. Хозяйка вышла на голос сына, придерживая локтем дверь. От Дуни ничего не скрыла: мука есть, но немного; продать мешок не может, отсыпать на дорогу — пожалуйста.

Дуня вошла. Внутри было темнее, чем ожидала, и тепло сразу легло на лицо. На лавке возле печи спала маленькая девочка, подложив под щёку руку. Старшая, лет шестнадцати, стояла у стола и мучилась с крутым тестом. Принесла его к краю, придавила обеими ладонями, повернула, снова придавила. Каждый раз тесто возвращалось почти в прежнюю форму, а девушка краснела всё сильнее.

— Зоя сегодня пекарь, — сказала хозяйка. — Я ей дала попробовать, теперь всё утро пробуем.

Зоя сердито отодвинула миску.

— Вы сказали, воды не лить.

— Я сказала, всю сразу не лить.

Дуня старалась не смотреть слишком пристально. Знала, как неприятно, когда посторонняя женщина застаёт тебя в работе, которая не выходит. Попросила муки, назвала, сколько нужно, и хозяйка отправилась к ларю. Зоя осталась у стола, подцепляя ногтем пристывший комочек. С той стороны, где стояла Дуня, было видно, что середина теста ещё сухая.

— Долго месишь? — спросила она.

— С утра.

— Укрой пока. Пусть постоит.

Зоя посмотрела недоверчиво.

— Оно же хлебом само не станет.

— Само не станет. Но руки чуть отпустит.

Девушка накрыла тесто, хотя всем лицом показывала, что делает это исключительно ради вежливости. Хозяйка принесла муку в полотняном мешочке и спросила, подождёт ли Дуня лепёшек: горячего с собой дали бы, раз люди на ветру. Дуня прикинула, сколько времени прошло. У отары остались Лука, Савва, Аким и Федот; Анисья уже готовила обед. Можно было посидеть здесь, у печи.

— Подожду, — сказала она. — Только руки вымою.

Хозяйка подвела её к рукомойнику. Дуня долго поливала руки, оттирая края ногтей кусочком мыла. Вода потемнела, стекла в подставленную посудину; она вылила её сама и

вытерлась чистым концом полотенца. Ей дали ещё воды, без вопроса, сколько потребуется. Эта маленькая щедрость была почти неприлично приятна.

Они раскрыли тесто. Дуня попросила Зою отрезать кусок, сама не взяла нож. Девушка отделила неровный край, помяла пальцами и признала, что стало мягче. Всё ещё тугое, но поддавалось. Вдвоём они постепенно вымесили его, не торопясь прибавлять муку только потому, что липло к коже. Хозяйка между тем поправила жар и достала деревянную лопату.

Зоя спрашивала, как узнать, сколько месить. Дуня могла бы ответить словами, которые слышала от матери: пока руки не скажут. Вместо этого дала девушке сравнить два куска. Один уже тянулся ровно, другой рвался сухой неровной щелью. Зоя попробовала, нахмурилась и снова взялась за свою часть.

Маленькая проснулась на лавке, потребовала пить, потом есть; мальчик принёс ей воды и стал рассказывать об отаре. Выдумывал по мере рассказа. Сказал, что там есть собака величиной с телёнка и старик, который понимает каждую овцу. Дуня слушала, не поправляя, пока дело не дошло до зверей с тремя рогами. Тогда Зоя бросила на брата такой взгляд, что третий рог исчез без дальнейшей помощи.

Пеклись лепёшки недолго. Хозяйка вынула первую, переломила и положила между Дуней и Зоей. От мякиша поднялся пар; Зоя быстро сунула кусок в рот, обожглась и заулыбалась, пытаясь не показать, как больно. Дуня дождалась, пока остынет. Хлеб вышел тяжеловатый, но вкусный, особенно на третий день дороги.

— Видишь, — сказала хозяйка дочери. — Чужая пришла, и ты услышала.

Зоя опустила глаза. Дуня положила остаток на стол.

— Вы друг друга с утра слышите. Устали обе.

Ей хотелось, чтобы хозяйка больше не говорила. Та посмотрела сначала на дочь, потом на Дуню и занялась следующей лепёшкой. Через несколько минут Зоя сама придвинулась к матери, спросила, куда ставить готовое, и получила обычный ответ, без продолжения урока.

Дуня купила муку и несколько лепёшек. За помощь с тестом хозяйка хотела отдать хлеб даром, но Дуня положила монету возле ларя. Та накрыла её ладонью, кивнула. У двери Зоя спросила, где она научилась, и Дуня ответила: дома, как все. Потом поправилась:

— Долго училась. Я тоже воду всю сразу лила.

Девушка засмеялась. Дуня вынесла свёрток на ветер, и тёплый запах сразу исчез. Прижала хлеб к груди, укрывая полой, и быстро пошла обратно.

* * *

Лука встретил её на гребне. Дуня увидела сперва его шапку, потом лицо, слишком серьёзное для человека, которому несут горячий хлеб.

— Долго, — сказал он.

— Лепёшки пекли.

— Я уже хотел идти.

— Вот и пошёл. Держи муку, тяжело.

Он взял мешочек, заглянул в свёрток. Лицо немного смягчилось.

— Где купила?

— У тех же людей, что яйца. Девчонка учится печь.

— Ты учила?

Дуня кивнула. Лука отломил маленький кусочек, затем спохватился и протянул ей больший. Она покачала головой, уже ела. С гребня они видели всю стоянку: Анисья у котла, Савва справа, Аким перемещается к дальнему краю, Федот подбирает рассыпавшееся топливо. Всё действовало без Дуни. Она почувствовала облегчение и одновременно такую резкую пустоту, что захотела немедленно спуститься и найти себе занятие.

— Ветер не стих, — сказал Лука. — До темноты ещё можно перейти к следующему месту. Там внизу корм получше.

— Спросили?

— Савва ходил на гребень — оттуда видно. А о корме ещё утром у дороги расспросил.

— Анистья знает?

— Сейчас сказал. Поест — выпряжет... запряжёт.

Он сам усмехнулся своей оговорке. Дуня посмотрела на сухой путь вдоль склона. Несколько вёрст можно было пройти; стоять здесь до утра незачем, если животные отдохнули, а корм ближе не становился. Она кивнула. Брат сразу заторопился спускаться, едва не рассыпав муку.

— Только сперва всем дай хлеба, — сказала она.

Лепёшки принесли вниз. Анистья разрежала их своим ножом, раздала и оставила два куска тем, кто ещё был при отаре. Федот обнюхал свой, будто выбирал дорогую вещь, потом съел слишком быстро и стал смотреть, не полагается ли добавки. Савва, получив хлеб, провёл пальцем по краю корки.

— Ваша работа?

— Зоина. Я помогала.

— Хорошая работа.

Он отломил кусочек для Бурого. Лука посмотрел на собачью еду, которую Анистья уже отставила, однако промолчал. Бурый взял осторожно, не задев зубами пальцев. Дуня заметила, что он долго жевал, хотя кусочек был мягкий.

Подняться из ложбины оказалось легче там, где днём Лука не стал спускать повозку. Земля на солнце подсохла; колёса шли ровнее. Аким остался с Анищей, Лука принял у него край отары, и некоторое время оба двигались параллельно, каждый своим путём. На гребне встретились. Федот посмотрел вниз, где осталась их маленькая стенка вокруг потухшего костра, и предложил забрать доску.

— Забери, — сказала Анистья. — Мы её для тебя полдня держали.

Он спустился и вернулся с доской под мышкой. Она теперь торчала из повозки, как широкое весло. Дуня придержала её, пока привязывали. На пальцах остался запах чистого теста, который ещё не совсем пропал под дорожной пылью.

Они прошли до следующего места, когда солнце стало низким. Возле заранее показанного двора действительно был корм, а под ветром у плетня нашлось пространство для животных. Савва договорился о ночлеге, Лука отдал плату, и Анистья принялась снова снимать с кобылы упряжь. Дуня помогла ей. Потянула за пряжку, расправила ремень на ладони, чтобы не перекручивался; кобыла опустила голову и тихо вздохнула.

— Ну, что же, — сказала Анистья, — день прожили. Я теперь ту девчонку по хлебу узнаю, если на базаре увижу.

Дуня улыбнулась и прислонилась на минуту к тёплому лошадиному боку. Вспомнила Зоины руки над тестом: девушка сердилась, щипала тугой край, потом вдруг стала двигаться увереннее. Дуня раскрыла собственную ладонь. Возле большого пальца ещё белела мука.

Глава 5. Чужая повозка

Колесо пошло в сторону без громкого треска. Лука услышал, как Анисья окликнула кобылу, обернулся и увидел повозку наклонённой, будто кто-то потянул её за левый борт. Мешки ещё держались. Котёл качнулся на верёвке и ударил о дерево.

Он бросился назад, но Анисья уже остановила лошадь и, прыгнув, взяла её под уздцы. Аким подложил камень под другое колесо. Дуня придерживала высокий узел у передка; сдвинься тот, потянул бы за собой полог и лежавший сверху хлеб.

— Не трогайте пока, — сказала Анисья.

Лука остановился с протянутыми руками. Ему хотелось немедленно приподнять борт, поставить всё ровно, вернуть привычный вид. Анисья повторила, громче:

— Кобылу сперва выведем.

Они освободили упряжь, отвели лошадь, и только тогда Аким нагнулся к колесу. Из ступицы вылезла смазанная тёмная ось. Лука увидел на ней блестящий участок, который прежде закрывало дерево; ниже в пыли валялось железо. Чека не держала. Старое отверстие разбило, крепление расшаталось, а под уклон колесо стало сползать наружу.

Анисья молча смотрела на колесо. Утром она проверяла колёса: Лука сам видел, как наклонялась у повозки. На ободе ещё виднелись следы её пальцев.

Отара уходила вперёд. Савва оставался при головных, Федот удерживал хвост, но расстояние росло. Лука хотел крикнуть, чтобы остановились. Дуня, всё ещё придерживавшая узел, повернула к нему лицо.

— Дай им дойти до сухой травы. Там подождут. Здесь будут на дороге стоять.

Он кивнул и пошёл передать Савве. По дороге догнал несколько овец, отставших от общего движения, направил их вперёд. Федот спросил, что случилось. Лука объяснил и показал место, где следовало остановить хвост. На этот раз показал близкий куст, а затем путь до него, чтобы не повторить махание рукой возле пахоты.

Савва выслушал, спросил, цела ли ось.

— Вроде цела.

— Тогда починим. Иди к Акиму, ты ему там нужнее, чем мне.

Лука вернулся. Они с Акимом разгрузили край повозки, снимали всё до дна, складывали на полог рядом. Сначала показалось, что вещей немного: мешки с провиантом, посуда, одежда, железо. Когда всё разложили, свободного места под ногами не осталось. Анисья села на корточки возле своих сапог, пересчитала узлы и переложила хлеб подальше от земли, будто сломавшаяся повозка могла заодно переменить назначение каждой вещи.

Дуня подняла точило. Лука заметил его в её руках и подошёл слишком быстро.

— Поставь. Сам возьму.

Она поставила. Не спросила ни зачем везёт, ни сколько оно весит. От этого точило делалось ещё тяжелее.

* * *

Пока колесо не сняли окончательно, Аким не обещал, что починит до темноты. Он проверил дерево, долго трогал пальцами разбитое место, просил Луку держать то выше, то ниже. Смазка оставляла на ладонях тёмные полосы. Анисья подала из своего ящичка запасную чеку; оказалась тонка для разошедшегося крепления.

— До Новоселицкого дотянем? — спросил Лука.

— Если всякий час смотреть, — ответил Аким. — Да идти тихо. А там пусть кузнец делает как надо.

Лука глянул вперёд, где паслась отара. Завтра к вечеру они рассчитывали быть возле села; сегодня можно было пройти ещё достаточно, если двинуться скоро. Хотелось ответить: будем смотреть. Анисья подняла голову прежде него.

— Кобыла моя, повозка моя. Тихо — так тихо. Я на одном колесе за вами не побегу.

— Никто вас не гонит.

— Пока не гонит. Я вперёд говорю, чтобы потом голос не тратить.

Аким отложил железо и взял доску, которую Федот вчера принёс от костра. Она оказалась полезна, чтобы подпереть разгруженный борт во время работы. Лука принёс камни, сложил устойчивее. Дуня собирала рассыпавшийся овёс: из плохо завязанного мешка выкатилось немного зерна, но она выбирала каждое, пока не подошёл Аким и не сказал, что лежавшее в грязи лошади не даст. Тогда она отделила чистое, остальное отнесла подальше от вещей.

— Вы бы поели, — сказала Анисья.

Она не могла приготовить обычный обед: котёл лежал на боку, воды оставалось на людей, огонь развести было негде, пока всё разложено. Нарезала хлеб, принесла луковицу, остаток вчерашнего сала. Лука взял, жевал между движениями. От запаха смазки хлеб казался чужим.

Из-под повозки Аким попросил чистую тряпку. Анисья перебрала узлы, хотела разрезать старое полотенце, но Дуня дала кусок дерюги, вымытый после красной краски. Край ещё слегка розовел.

Аким потёр им ось.

— Теперь, значит, и телега Дунина будет. Помеченная.

Анисья фыркнула.

— Попробуйте продать. Я вместе с ней пойду и всё покупателю расскажу.

Они засмеялись. Лука сперва тоже, затем заметил, что Дуня не обиделась; помогала держать колесо и улыбалась. Не всякое упоминание продажи было войной. Он чувствовал, насколько за последние дни привык ждать ссоры даже в чужой шутке.

Пока чинили, по дороге прошло несколько подвод. Одна остановилась. Возница, узнав Савву по стоявшему вдали силуэту, спросил, давно ли старик ведёт их. Лука сказал: четвёртый день. Человек покачал головой, будто четыре дня представляли собой отдельное доказательство, затем слез и заглянул под повозку. Аким уступил место. Несколько минут оба рассматривали крепление, спорили о том, выдержит ли вставка; наконец приезжий достал из-под сиденья подходящий кусок железа и отдал Аким.

Лука полез за кошельком.

— Не стоит, — сказал возница. — Мне его всё равно выбросить.

— Тогда хлеб возьмите.

— Хлеб возьму.

Анисья отрезала, завернула в край бумаги и ещё положила сверху луковицу. Человек поблагодарил. Пока собирался ехать, спросил, не хотят ли продать десяток овец: в Новоселицком есть люди, которым надо. Лука ответил, что пока ведут своих. Возница кивнул, не уговаривал. Дуня расспросила, где этих людей найти, и записала фамилию в книжицу.

Лука молчал. У него было уже два повода знать, что сестра ищет покупателя, а внутри всё ещё возникало удивление, как в первый раз.

— Сердюков, может, больше даст, — сказал он, когда подвода ушла.

— Может. А может, меньше. Я же ещё не продала.

— У нас в Прасковее договорено спросить.

— Я и его спрошу, когда доедем. Пока ни одному ничего не обещала.

Дуня закрыла книжицу и снова взялась за колесо. Аким попросил подать железо, и Лука нагнулся искать под доской.

* * *

Собрали повозку к середине дня. Аким провернул колесо, остановил, ещё раз подправил крепление. Лука помог запрячь кобылу. Несколько шагов они шли рядом с пустой повозкой, глядя на ступицу; потом стали нагружать обратно.

Тут оказалось, что часть вещей не обязательно везти в одном месте. Малые узлы распределили между людьми. Лука привязал к седлу рыжего свой полушубок и мешок с запасными ремнями; лошадь теперь пойдёт без седока. Анисья велела убрать точило.

— Убрал бы и раньше, — сказала она. — Не в нём одном дело, а лишнее у тебя самое тяжёлое.

Лука поднял его обеими руками, хотя можно было одной, и понёс к сухому краю дороги. Там поставил на землю. Некоторое время смотрел на треснувшую ручку. Не сумел решить, что делать дальше.

Дуня подошла с пустым мешком.

— Заверни. На рыжего можно, если не садиться.

— А ты бы выбросила?

Она посмотрела на него, потом на точило.

— Сейчас я мешок принесла.

Лука нагнулся и обернул тяжёлое железо тканью. На рыжем пришлось снять один из ременных узлов, перевесить на другой бок, проверить, не бьёт ли по лошади при шаге. Дважды развязывал, пока не устроил ровно. Когда закончил, рукава оказались перепачканы до локтя.

Савва прислал Федота узнать, можно ли двигаться. Отара уже успела поесть, но место для ночлега оставалось впереди. Лука сказал, что можно, только тихо. Федот оглядел уменьшившуюся поклажу на повозке, ткнул пальцем в доску у оси.

— А смеялись, что я за ней ходил.

— Вот с этого дня смеяться перестанем, — ответила Анисья.

— Совсем?

— До следующей доски.

Дорога пошла под едва заметный уклон. Анисья вела кобылу медленно, не позволяя ей разогнаться вслед за животными. Аким остался возле колеса; Лука занял его место у овец. Теперь он особенно ощущал, сколько рук нужно, чтобы всё шло ровно. Одного отвлекла повозка — и остальным приходилось двигаться шире, видеть дальше, быть внимательнее к каждому странному перемещению на краю отары.

Он думал, что маленькое стадо вести легко. Попробовал мысленно убрать Дуниных двести шестнадцать. Места действительно освободилось бы много, но повозка всё равно сломалась бы, собаки всё равно уставали бы, а воду искать пришлось бы в тех же местах. Оглянулся на Акима. Тот шёл пригнувшись, смотрел на колесо; позвать его было нельзя. Лука прибавил шаг, обходя широкий край.

* * *

Остановились возле стога, который хозяин разрешил использовать как прикрытие от ветра, но не как корм. Это приходилось всё время помнить: овцы искали, где бы дотянуться до сена, Аким отворачивал крайних, Федот переносил верёвку. Лука прошёл с собакой по внешней стороне, нашёл место с лучшей травой и повёл туда часть животных. Пока они щипали сухую зелень, он сел на корточки и наконец заметил, как сильно устали ноги.

Рыжий стоял неподалёку, привязанный за длинный повод. Точило уже сняли. На шерсти под мешком оставалась приплюснутая полоска, и Лука провёл по ней ладонью, проверяя, не

натёр. Лошадь повернула голову, коснулась губами его рукава. Он принёс ей воды, подержал ведро до конца и только потом пошёл к костру.

Там Анисья называла купленное, а Дуня записывала, придерживая книжицу коленом. Лука услышал плату за яйца, муку и ночлег. Железа для починки в расходе не оказалось, и он сообщил, что вознице дали хлеб и луковицу. Дуня отметила и это.

— Сколько ещё есть? — спросил он.

Она назвала остаток общего кошелька, а потом отдельно сумму, предназначенную для платы людям. Он знал обе, но хотел услышать вслух. Общего запаса на прямую дорогу хватало. Покупать корм сверх обычных стоянок и платить дополнительные дни придётся из оставленного на зимовку.

Савва сидел возле повозки и чинил собственную сумку. Лука подсел к нему. Некоторое время смотрел, как игла выходит из кожи; шов получался редким, старик искал прежние дырочки, не прокалывая новую толщу.

— Я думал, вы из-за ног заканчиваете, — сказал Лука.

Савва не поднял головы.

— Ноги тоже устали.

— А ещё из-за чего?

Игла остановилась. Старик потянул нитку до конца, отложил работу на колени и посмотрел в сторону отары.

— У сына девочка растёт. Я её три раза видел. Первый раз она меня боялась, второй раз всё спрашивала, кто я такой, третий уже перестала спрашивать. Вот это мне и не понравилось.

Лука молчал.

— Бурый больше меня знает, — продолжил Савва. — Я за сумку берусь — он уже у ног. А там зайду, никто не подвинется, потому что не знает, где мне сесть. Я тоже не знаю. Надо успеть узнать.

— Николай рад будет.

— Николай давно рад. Ему не мешает. У него лавочка тесная, зато во двор всегда выйти можно. Ольге труднее, она дома целый день. Я ей письмо написал, спросил, на сколько места рассчитывать.

Лука повернулся к нему.

— И что ответила?

— Что кровать поставили. Я теперь думаю, не зря ли люди передвигали вещи.

Он опять взял сумку. Лука следил за иглой. На этот раз игла сразу попала в прежнюю дырочку, и старик провёл нитку до конца, прижимая кожу коленом.

— После кошар доведём до Прасковей, — сказал Лука.

— Я пешком вернусь.

— За дорогу условились. Плата есть.

Старик покосился на него и кивнул. Об этом говорить было легче обоим.

Вечером Аким ещё раз осмотрел крепление. Новое железо держало, колесо сидело ровнее; до кузнеца следовало идти так же осторожно. Анисья погладила обод и попросила Луку завтра не менять направление без неё: сегодня за отарой надо было сворачивать на уклон, а она не решилась и повела в объезд.

Лука пообещал предупредить. Потом отправился к людям, сторожившим стог, и спросил, какой выезд отсюда ровнее. Ему показали не самый близкий, зато без размытых колеи. Он прошёл его сам, пока хватало света, запомнил развилку у одинокого куста и вернулся.

Федот грел у костра больное колено. Дуня заметила, что он слишком близко придвинулся, отослала на другой край; парень заворчал, но пересел. Пятак подошёл к нему и лёг под руку. Молодой гладил пса долго, сосредоточенно, не придумывая ни одной шутки. Лука остановился рядом, собираясь забрать собаку на обход, потом позвал только Акима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.